

ДЖ. ХЕЙЕР

ПИСТОЛЕТЫ ДЛЯ ДВОИХ

чай, кофе
и убийства

Джорджетт Хейер
Пистолеты для двоих (сборник)
Серия «Чай, кофе и убийства»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39292155
Пистолеты для двоих: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-101974-7

Аннотация

Загадочный период Регентства.

Время элегантных денди, недоступных светских красавиц и богатых наследников, когда вопросы чести решались на дуэлях, а галантность соседствовала со злодейством.

Одиннадцать остроумных историй о негодях и повесах, поединках на рассвете, таинственных исчезновениях и неожиданных эскападах, которые перенесут в элегантную и изысканную эпоху.

Содержание

Пистолеты для двоих	5
1	5
2	11
3	17
4	22
5	27
Тайное дело	32
Мисс из Бата	71
1	71
2	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Джорджетт Хейер

Пистолеты для двоих

Georgette Heyer

PISTOLS FOR TWO

© Georgette Heyer, 1960

© Школа перевода В. Баканова, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Пистолеты для двоих

1

Тлевшая много недель ссора внезапно вспыхнула из-за такой мелочи, что кто угодно лопнул бы со смеху, если бы узнал причину. Однако дело дошло до пистолетов вовсе не потому, что Джек вдруг попятился в дверях, наступил Тому на ногу, и тот расплескал шампанское. А Джек побледнел и плотно сжал губы совсем не из-за того, что Том в ответ обозвал его раззявой. Если ты знаком с человеком сызмальства, вы вместе играли, ходили в школу, удили рыбу и охотились – обзывай его сколько душе угодно: вы отметелите друг друга или просто посмеетесь, но уж точно не сойдетесь холодным утром в присутствии секундантов. Пусть даже вы не настолько близкие друзья, дуэли давно вчерашний день и годятся только для сцены! Дедушка Тома, само собой, участвовал в них пять раз, если верить семейным легендам – по самым что ни на есть пустяковым поводам. Однажды он сошелся в поединке с двоюродным дедушкой Джека, Джорджем. Как же забавно они, должно быть, выглядели, посмеивались Том и Джек, представляя себе картину: бритые наголо (оба деда носили парики), вместо манжет топорщатся несуразные рюши, которые нужно подворачивать, на босых ступнях синяки

от жесткой земли. В наши дни люди не выставляют себя на посмешище и выбирают пистолеты. Хотя дуэли теперь случаются нечасто и уж вовсе не потому, что вы столкнулись с кем-то в дверях.

Нет, столь немыслимая ситуация возникла по причине куда более серьезной. Впрочем, серьезной Марианну Трин не назовешь: она была самой беспечной и легкомысленной из всех известных причин раздора.

Удивительно, как сильно может измениться женщина всего за три года! Перед тем, как малышка Марианна Трин отправилась на юг, в школу-пансион, в ней не было ничего примечательного. Собственно, Том прекрасно помнил, как они с Джеком и Гарри Денвером считали ее глупым созданием, сующим свой веснушчатый нос туда, где девчонкам быть не положено. Ее отъезд из Йоркшира остался незамеченным, а поскольку каникулы она проводила у бабушки в Лондоне, то вскоре о ней совсем позабыли.

И вот Марианна вернулась. Она провела великолепный сезон в Лондоне, а когда бóльшая часть сливок общества отбыла в Брайтон, миссис Трин привезла ее домой, в Трин-Холл, и соседи возобновили знакомство с девушкой на одном из приемов в Хай-Хэрроугейт. Какое же потрясение испытали тогда все молодые люди на несколько миль вокруг! Кто бы мог предположить, что столь ослепительная красавица – конопатая малявка Марианна, которая раньше донимала непрерывным нытьем: «Можно мне пойти с вами? Пожа-

луйста, разрешите мне тоже пойти...»

Они почти никогда не разрешали, и теперь Марианна им отомстила. Впрочем, она была слишком весела и беззаботна, чтобы думать о мести, а если порой и проявляла к кому-то чуть большую благосклонность, чем к остальным, то изо всех сил старалась демонстрировать свою беспристрастность.

Джек и Том ходили у нее в любимчиках, потому что, вне всяких сомнений, были самыми усердными из ее воздыхателей. Окружающие шутили и даже слегка посмеивались над тем, что они неразлучны всегда, даже когда дело коснулось первой любви. Но это ничуть не охладило их пыл. Станным и досадным представлялось то обстоятельство, что родственники не в состоянии осознать серьезность их намерений, а совсем наоборот, полагают, что если человек еще не отучился в Оксфорде, то и думать о женитьбе ему слишком рано.

Каждый из двоих считал себя достойным претендентом на руку и сердце Марианны. Вероятно, Джек имел небольшое преимущество, потому что его отец носил титул баронета. Правда, отец Тома носил титул сквайра, а это тоже кое-что да значило, к тому же Том – единственный сын, а у Джека было два младших брата, о которых отцу тоже предстояло позаботиться.

Поначалу их ухаживания вообще не сопровождались взаимной неприязнью. Оба считали Марианну бесподобной, соперничали во вполне дружественном духе, и, пожалуй, ни один не заметил, когда именно исчезло их расположение

друг к другу. Возможно, Джек в душе завидовал высокому росту и широким плечам Тома (от которых так млеют женщины), или Тому не давали покоя изысканные манеры Джека и его благородный профиль. Какой бы ни была причина, отношения между друзьями дали трещину. Молодые люди озлобились, стали смотреть друг на друга с подозрением, и каждый искал повод оскорбить другого. Несколько раз дело едва не доходило до рукоприкладства, но до этого злополучного вечера ни один из них не задумывался о том, чтобы положить конец ссоре ранним утром на просеке под Стенхопом – в месте, где по традиции решались вопросы чести.

В том, что к концу лета Марианна остановит свой выбор на одном из них, приятели не сомневались. Оставалось лишь гадать, на кого падет этот выбор, поэтому делом перво-степенной важности было не допустить незаслуженного преимущества перед соперником. Повздорив пару раз, они пришли к соглашению, – во всяком случае, так считал Том, пока сегодня на приеме у Тринов своими собственными глазами не убедился в коварстве Джека. Каждый из них намеревался послать Марианне букет с запиской, и с чьими цветами она будет на балу, тому и принадлежит ее сердце. У главного садовника сквайра Том добыл прелестный букет из красных роз и душистого горошка. Поутру молодой человек отправился в Трин-Холл верхом, чтобы передать подношение через сурового дворецкого, однако тут как назло случилась пренеприятная история. Витая в блаженных меч-

тах, Том скакал, отпустив поводья, и вдруг его кобылу Бесс ужалил слепень. Том вылетел из седла. Бедные цветочки!.. Лепестки дружно осыпались на землю, из букетницы филигранной работы остались торчать лишь унылые голые стебли...

Беда не приходит одна. Едва Том поймал Бесс, как на дороге из Мелбери-Корт возник новенький экипаж Джека. Рядом с Джеком на сиденье лежали шикарные желтые розы, так что было нетрудно догадаться, куда он держит путь.

Тремя месяцами раньше, застав Тома в такой ситуации, Джек покатился бы со смеху; но сегодня он был вежлив как никогда; при виде остатков несчастного букета его губы лишь презрительно дрогнули. А еще он имел невероятную наглость проявить великодушие, сказав, что поскольку с Томом произошло несчастье, то и ему не следует преподносить свой букет. Именно на этом собирался настоять и Том, раз уж у них был уговор. Так он и заявил Джеку, ненавидя того за чопорность. Джек пренебрежительно улыбнулся и намекнул, что только такой недоумок, как Том, мог додуматься подарить красные цветы богине с изумительным золотистым оттенком волос.

Весь день это происшествие не давало Тому покоя, но мысль о дуэли даже не мелькнула у него в голове. Не появилась она и вечером, по приезде в Трин-Холл, когда перед ним возникла Марианна – восхитительная в бледно-желтом облаке тончайшей шали поверх белого атласного платья, с бу-

кетом из желтых роз в затянутой перчаткой руке. Единственной разумной мыслью было разве что подспудное желаниесыпать Джеку при первом удобном случае, если тот (между прочим, превосходный боксер) не навалит ему первым.

Прием устроили грандиозный. Из Лондона прибыли несколько светских джентльменов, выделявшихся на фоне остальных гостей Трин-Холла. В другое время Том, который живо интересовался модой, обязательно обратил бы внимание на то, как завязан шейный платок у беседующего с миссис Трин франта, или с завистью оценил бы покрой сюртука на танцующем с Марианной господине из Лондона. Несмотря на его красивое лицо и превосходную манеру держаться, Том не испытывал ревности к этому старику – и скорее всего, почтенному отцу семейства – ему было лет тридцать, не меньше.

Вся ревность, вся бурлящая злоба были припасены для Джека, самого близкого друга. Даже отличное шампанское мистера Трина не принесло успокоения. Спустя какой-нибудь час лишь самый непроходимый тупица не заметил бы, что два симпатичных молодых человека из Манора и Мелбери-Корт готовы вцепиться друг другу в глотку.

А потом Джек сделал шаг назад, чтобы любезно пропустить пожилого джентльмена, наступил Тому на ногу, и тот расплескал шампанское.

Они стояли друг против друга в небольшой гостиной, ведущей в бальный зал. Том ругался на Джека, а тот вместо того, чтобы ткнуть друга в бок и смиренно извиниться за свою неуклюжесть, выпрямил спину и напрягся. Лицо его побелело, губы сжались, а приятные серые глаза стали холодными и твердыми, как гранит. Затем Том произнес слова, после которых пути назад уже не осталось.

– Я вызываю тебя на дуэль! – объявил он торжественным, но слегка дрогнувшим от злости голосом.

Славный добрый Гарри Денвер, который видел стычку и последовал за потерпевшими сторонами в гостиную, попытался уладить ссору, призвал молодых людей не глупить и помнить о том, где они находятся.

– Гарри, будешь моим секундантом? – не терпящим возражений тоном спросил Том.

Бедный Гарри опешил и с трудом выговорил:

– Ну, знаешь ли, Том!.. Джек не желал тебе зла. Джек, да скажи ты ему...

– Я к услугам мистера Кроли, где и когда ему угодно! – холодно и раздраженно ответил Джек.

– Соблаговолите назвать своих секундантов, мистер Фрит! – изрек Том, не желая, чтобы его превзошли в соблюдении формальностей.

– Джек, ты же не пьян, – торопливо забормotal Гарри, – а ведешь себя как набитый дурак, дружище!

Затем он вдруг заметил, что они не одни. Господин из Лондона, ранее вальсировавший с Марианной, вошел в гостиную и закрыл за собой дверь. Все три молодых человека устремили на незнакомца неприязненные взгляды.

– Прошу меня простить, – учтиво произнес господин. – Дело чести, насколько я понимаю? По-моему, лучше прикрыть двери. Могу я быть чем-то полезен?

Они вытаращили на него глаза. Гарри, которому позарез требовался союзник, немедленно рассказал, из-за чего возникла ссора, и стал умолять господина из Лондона убедить заклятых врагов не валять дурака.

Джек, мысленно перебиравший своих знакомых, но так и не обнаруживший среди них подходящей кандидатуры на роль секунданта, процедил высокомерно:

– Я склонен считать, что ни один порядочный человек не посоветует другому отказаться принимать вызов. Разумеется, если мистер Кроли возьмет свои необдуманные слова обратно...

Это было умышленное оскорбление, поскольку Том прекрасно знал, что Джек гораздо более меткий стрелок, чем он сам. В ответ он выпалил только одно слово:

– Нет!

– Но они не должны драться! – протестовал Гарри с мученическим выражением на честном лице. – Скажите им, сэр!

Господин из Лондона, словно извиняясь, произнес:

– Я согласен с мистером Фритом. Порядочному человеку, сэр, непозволительно не принять такой вызов.

Джек посмотрел на него с одобрением, однако сухо заметил:

– Вы меня знаете, а я вас нет, сэр.

– Меня зовут Килхэм, – представился господин из Лондона. – Могу я еще раз предложить свои услуги? Буду рад стать вашим секундантом, мистер Фрит.

Три пары глаз в изумлении уставились на него. Можно жить далеко от Лондона, но нельзя быть до такой степени невежей, чтобы не знать о сэре Гэвине Килхэме, друге королевских отпрысков, почетном члене клуба «Уайтс», спортсмене-любителе, виртуозном наезднике и законодателе мод. Теперь понятно, почему узел его шейного платка выдержал самый придирчивый взгляд, а сюртук сидел на нем как влитой!

Джек, ошарашенный мыслью о том, что секундантом у него будет столь высокопоставленная персона, нервно сглотнул и кое-как отвесил приличествующий моменту поклон. Том заскрежетал зубами: Джеку опять повезло.

Этот щеголь Килхэм наверняка знает, что полагается делать в таких случаях, подумал Гарри и рискнул произнести:

– Я... я заеду к вам, сэр, когда пожелаете!

– Боюсь, что так будет не совсем удобно, – сказал сэр Гэвин, для которого сия трагическая ситуация, казалось, не

представляла ничего особенного. – Видите ли, я в этом доме всего лишь гость. Давайте обо всем договоримся здесь и сейчас!

Гарри, полагавший, что секунданты обязаны попытаться примирить стороны, выглядел озадаченным, зато будущие дуэлянты горячо одобрили предложение.

Сэр Гэвин вынул табакерку, легким щелчком открыл ее и взял щепотку табаку.

– Поскольку, сэр, право выбора за нами, предлагаю остановиться на пистолетах. Стреляемся на расстоянии двадцати пяти ярдов, завтра, а время и место я попрошу указать вас.

На лице Гарри отразилось глубокое беспокойство: столь большое расстояние обеспечивало полное преимущество лучшему стрелку. Прежде чем он успел открыть рот, Джек – что, по мнению Тома, было совсем уж невыносимо, – заявил:

– Предпочитаю стреляться с мистером Кроли на расстоянии двенадцати ярдов, сэр!

– А я не намерен стреляться с тобой на двенадцати ярдах! – гневно возразил Том. – Двадцать пять, черт тебя дери!

– Том, ради бога!.. Да послушайте же вы, дурни. Вашу ссору можно уладить в два счета! – воскликнул Гарри.

Они налетели на него, затаенные чувства нашли выход в ненависти, с какой ему было приказано помалкивать. Бедному Гарри ничего не оставалось, как назначить время и место – и с тем, и с другим сэр Гэвин весьма любезно согласился.

Вдруг всех троих молодых джентльменов сбила с толку одна мысль.

– А как же... оружие? – пробормотал Гарри, страдальчески взглянув на Тома.

На мгновение повисла тишина. Сэр Гэвин, опустив глаза, будто в задумчивости рассматривал прелестную табакерку, а его губы если и тронула легкая усмешка, то она осталась незамеченной. Джек и Том внезапно разозлились на своих отцов, хранивших дуэльные пистолеты (если они у них были) под семью замками. Вообще-то любой благоразумный родитель должен вручить своему сыну пару хороших дуэльных пистолетов – не дробовиков, – и научить, как вести себя в ситуации, подобной сегодняшней. Однако ни сэр Джон, ни сквайр даже не попытались принести настоящую пользу своим наследникам; те же, в свою очередь, знали обоих джентльменов настолько хорошо, что прекрасно понимали: обращение к ним по этому поводу приведет к тому, что о дуэли придется забыть.

Гарри, хотя и стремился замять это дело, не желал показать господину из Лондона, что у его дуэлянта нет пистолетов. Он заявил, что, к сожалению, пистолеты Тома отправлены мастеру на мелкий ремонт. Джек не мог позволить, чтобы тут его переплюнули, и, не придумав другой причины отсутствия пистолетов, отвратительно скривил губы и произнес:

- Странно, что я никогда не видел оружия мистера Кроли!
- У тебя тоже его нет, не притворяйся! – мгновенно сре-

агировал Том.

– В таком случае, – заключил сэр Гэвин, кладя табакерку обратно в карман, – об оружии позабочусь я. А поскольку до назначенного часа уже не так много времени, предлагаю прямо сейчас отправиться по домам и хоть немного поспать. Мистер Фрит, я заеду за вами в половине шестого. Мистер Денвер, можно вас на пару слов, прежде чем мы разойдемся?

Легко говорить о сне, если в дуэли ты всего лишь секундант, сердито думал Том. Он незаметно покинул Трин-Холл и при свете полной луны поехал домой. Студеный ветер с болот охладил ему голову и значительно успокоил ярость. К тому времени, как он добрался до Манора и отвел лошадь в стойло, ему все трудней становилось ждать хоть чего-то приятного от завтрашнего дня. Даже не от завтрашнего: высокие напольные часы у лестницы показывали начало первого ночи.

Мать уже легла, но сквайр, как назло, все еще бодрствовал.

– Это ты, Том? – послышался его голос.

Пришлось зайти в библиотеку, где отец сидел не один – он играл в шахматы с сэром Джоном Фритом. Том относился к сэру Джону с привязанностью, как к родному дяде, однако видеть его сейчас молодому человеку хотелось меньше всего.

– Что-то рано ты сегодня, – заметил сквайр, внимательно посмотрев из-под кустистых бровей.

– Да, сэр, – беззаботно ответил Том. – Там гостей полным-полно, а нам с Гарри завтра рано вставать – хотим съездить на пруд порыбачить.

– О! – произнес сквайр, вновь опустив взгляд на шахматную доску. – Полагаю, твоя взяла, Джон.

– Похоже, что так, – согласился гость. – Джек едет с вами, Том?

Лицо Тома залил предательский румянец.

– Да... конечно! – пробормотал он, чувствуя себя Иудой. Хотя, скорее всего, именно его, а не Джека, через несколько часов принесут домой на носилках.

– Приятно слышать! – сказал сэр Джон. – Для дуралеев вашего возраста это гораздо лучшее занятие, чем бегать за юбками.

Так позволяли себе разговаривать с молодежью престарелые маразматики сорока пяти (а может, и больше) лет от роду, давно позабывшие, что значит быть юным и влюбленным! Том сухо ответил, что идет спать.

– Да, да, иди, – кивнул отец. – Спокойной ночи, мой мальчик. Да смотри утром не перебудит весь дом! Напрасно я пошел слоном, Джон...

Бездушные стариканы, принявшиеся обсуждать только что сыгранную партию, даже не заметили, как Том вышел из комнаты. Ему вовсе не хотелось, чтобы они заподозрили неладное, но почему-то вдруг стало больно и обидно, что на него совсем не обращают внимания.

Улегшись в кровать, Том вдруг с ужасом подумал о том, что будет, если его секундант не явится вовремя. Гарри должен был заехать за ним на двуколке, и опоздай они, случился бы кошмар. К тому же он и сам мог проспать. Господин из Лондона, само собой, привезет своего дуэлянта к месту

встречи точно в условленный срок.

Вскоре Том понял, что проспать ему не грозит. Он совершенно не мог заснуть, метался в постели, сбрасывал и вновь натягивал на себя одеяла, взбивал подушки – все тщетно. Сна не было ни в одном глазу, в голове беспокойно роились тревожные мысли. К такому он совсем не привык.

Ему казалось, будто он ничуть не волнуется – по крайней мере, не больше, чем перед кутежом в Итоне; однако было очень жаль отца, которого перед завтраком, по всей вероятности, будет ждать «приятное» известие о том, что единственный продолжатель его рода убит или тяжело ранен. Мать никогда не оправится от удара. А каким потрясением станут для сэра Джона и леди Фрит новости, что их наследник вынужден бежать из страны и что настал конец их дружбе с семейством сквайра. Бедный дядя Джон, искренне считающий, что Джек собирается на рыбалку!

Последнюю мысль неожиданно потеснила другая: ах, если бы это было правдой, если бы они с Джеком запаслись бутербродами, взяли удочки и садки и ранним утром зашагали бы по росистой траве, болтая о том о сем... И не нужно им никакого Гарри, без него даже лучше. Впрочем... можно пойти и с Гарри, если ему так хочется, потому что он добрый малый и преданный друг, хотя с Джеком, конечно, не сравнить. Порой Гарри путается под ногами, вот и давеча увязался за ними... Том быстро оборвал эту мысль. К чему вспоминать об их с Джеком совместных забавах, развлечениях,

потасовках! Все кончено. Даже если в дуэли ни один из них не погибнет, прежней дружбы больше не будет. Однако ему не удавалось заглушить воспоминания. Да и какой толк размышлять о жалком лицемерном поступке Джека! Преподнес ли он Марианне цветы за спиной у Тома или повел себя безупречно, как и подобает, – он все равно остается другом, с которым делишься самыми потаенными мыслями, который всегда придет на выручку, а когда нужно, сам попросит о помощи, и еще неизвестно, кто тебе ближе – он или отец родной.

Если подумать хорошенько, то виной всему конопатая вертихвостка Марианна Трин, которую, возможно, они вообще не волнуют! Станцевала с каждым из них всего по разу – притом это был всего лишь контрданс! – а с сэром Гэвином Килхэмом вальсировала дважды и оставила кадрили за другим городским франтом. Сколько же времени пропало впустую – да-да, впустую, не иначе! Они с Джеком могли бы провести лето куда веселее и не заискивать перед девчонкой, которую раньше даже не замечали.

Чем больше Том так размышлял, тем сильнее бледнел образ сегодняшней Марианны, тем яснее проступала в памяти маленькая веснушчатая девочка, портившая своим присутствием все их игры: то в ручей упадет, то хнычет, что устала, то ей страшно идти через поле, где щиплют траву коровы. И они с Джеком – подумать только! – должны теперь из-за нее стреляться. Это могло бы оказаться очень смешной шуткой,

если бы не было трагической правдой. А вдруг по прихоти судьбы (представим лишь на мгновение) именно пуля Тома найдет свою цель? Тогда он застрелится и сам – иного выбора у лучшего друга Джека просто не останется.

Мысли незаметно перетекли в беспокойные сновидения. Судя по всему, Тому все же удалось ненадолго забыться, потому что, открыв глаза, он обнаружил, что вместо луны сквозь ставни пробивается свет хмурого утра. Стрелки часов показывали больше пяти, и он торопливо выбрался из смятой постели. Когда внизу тихо зашуршал гравий, Том уже был одет, о чем он и сообщил Гарри, перегнувшись через подоконник. Тот как раз собирался кинуть в окно пригоршню камушков, но ссыпал их обратно на землю и подал Тому знак – пора ехать.

Том прокрался вниз по лестнице и выскользнул через черный ход – в доме ни звука. Приятели молча прошли по дорожке к месту, где Гарри оставил свою двуколку.

– Все это мне совсем не по душе, дружище, – сказал Гарри, отвязывая от столба поводья.

Разве можно взять и отказаться от поединка, тем более если это первая в твоей жизни дуэль, и у тебя еще не было шанса доказать свою храбрость?

– Мечтаешь, что я пойду на попятную? – строго спросил Том.

– Не знаю, – ответил Гарри, усаживаясь рядом. – В конце концов, вы с Джеком...

– Даже не начинай! – посоветовал Том. – Попроси об этом

Джека – увидишь, что он скажет. Ответ будет коротким, уж я-то его знаю!

– Не стоит ждать, что Джек откажется.

– А я и не жду!

– Знаю, только вызов бросал не он. Ты был пьян, Том, признайся.

– Ничего подобного! – запротестовал Том.

– Черт побери, вызвать человека на дуэль только потому, что он нечаянно толкнул тебя в дверях...

– Дело вовсе не в этом, – ответил Том. – И хватит, я ничего не желаю слушать!

Гарри больше не проронил ни слова, и остальной путь молодые люди проделали в тишине.

К месту дуэли они прибыли вовремя, как раз когда на лесной дороге появился белый двухколесный экипаж, запряженный парой великолепных гнедых коней. В нем сидели только двое – врача ни в экипаже, ни где-либо поблизости не наблюдалось. Интересно, укажет ли мой мягкотелый секундант сэру Гэвину на это упущение, подумал Том. Для себя он решил, что спрашивать об этом не его дело, и украдкой взглянул на Джека: тот соскочил на землю и сбросил пальто. Выражение лица у бывшего друга оставалось каменным, глаза не потеплели ни на миг, когда их с Томом взгляды встретились. Том принялся рассматривать коней. Как бы ему хотелось спросить Джека, легкий ли у них ход и позволил ли ему сэру Гэвин взять поводья.

Сэр Гэвин неторопливо прошел по просеке к Гарри. На нем были начищенные почти до зеркального блеска высокие сапоги и пальто с многослойной пелериной, под мышкой он держал зловещий футляр. Они с Гарри перекинулись парой слов, осмотрели содержимое футляра и отмерили шагами расстояние. Тома затошнило, руки похолодели, в груди будто застрял свинцовый ком. Секунданты могли бы и поспешить, их нерешительность действовала на нервы. Он вновь исподтишка посмотрел на Джека: тот выглядел хладнокровным и собранным, только очень бледным.

К Тому подошел Гарри, чтобы сопроводить его к положенному месту. Сэр Гэвин держал пистолеты за стволы. Джек взял один из них в правую руку, опустил дулом вниз и повернулся боком к противнику.

Сэр Гэвин поднес Гарри второй пистолет. Том видел, что курок взведен, и взял пистолет осторожно, с удовлетворением заметив, что рука не дрожит. Сэр Гэвин рассказал, что делать после того, как упадет носовой платок, Том кивнул. Затем секунданты отошли. Он смотрел на Джека – между ними будто распростерлось необъятное поле.

Подброшенный вверх платок, колыхнувшись на ветру, упал на землю. Том решительно выстрелил в воздух – пистолет дал осечку. Он не сводил глаз с Джека. Тот вскинул руку и направил дуло в небо. Только Джек, видимо, даже не потрудился нажать на спусковой крючок, потому что вспышки не последовало. Внезапно Том разозлился на Джека за это

геройство, бросил пистолет и зашагал вперед:

– Какого дьявола ты делаешь? Стреляй, черт тебя дери! Ты даже на крючок не нажал!..

– Да нажимал я! – вскинулся Джек. – У меня осечка! Это ты не выстрелил! Идиот, я же мог тебя убить!

– Ты целился в воздух! – негодовал Том. – Поделом тебе, если бы я попал! Что за штучки ты выкидываешь? Это возмутительно!

– Ты тоже целился в воздух! – парировал Джек. – А мог бы и в меня, все равно с двадцати пяти ярдов не попадешь и в сарай.

– Неужели?!

– Да! И даже с двенадцати!

– Ах, вот как?! Зато кое-что я прекрасно сделаю – садану тебе по носу!

– А ну, попробуй! – крикнул Джек, швырнув в сторону пистолет и сжав кулаки.

Они ринулись в бой, слишком возбужденные, чтобы скинуть сюртуки, из-за чего драка выглядела неуклюжей возней. Со смешанными чувствами – облегчением и злобой – они бешено кидались друг на друга и вскоре вошли в клинч, каждый из всех сил старался бросить соперника через бедро. Поскольку Том был крупнее и крепче, победа вполне предсказуемо досталась ему.

– Да ну тебя! – выдохнул Джек, поднимаясь с земли и потирая локоть.

Они посмотрели друг на друга. Том опустил кулаки.

– Джек, – неуверенно произнес он, – мы с тобой... дрались на дуэли!

Рот Джека дрогнул. Джек пытался прикусить нижнюю губу – все напрасно. Если бы Том не начал скалиться как недоумок, то ему бы удалось сохранить серьезную мину, однако Том улыбался, и Джека тоже прорвало – он покатился со смеху.

Когда веселье наконец стихло и друзья утерли глаза, обоих вдруг посетила одна и та же мысль.

– А пистолеты-то не выстрелили! – сказал Джек.

– Вот именно! – ответил Том и резко повернулся к секундантам.

За дракой они совсем забыли о господине из Лондона. Сейчас же их терзали противоречивые чувства: оба были возмущены предполагаемым обманом и в то же время боялись, что он презирает их за мальчишество. Румяные и все еще не отдышавшиеся, друзья смотрели на него во все глаза.

Сэр Гэвин, который все это время как ни в чем не бывало сидел на пеньке, встал и зашагал вперед, одобрительно приговаривая:

– Великолепно! Правда, иногда довольно грубо и вызывающе, но я бы с удовольствием посмотрел на вас обоих без верхней одежды. Будете в Лондоне – дайте мне знать, я отведу вас в боксерский зал Джексона.

Такое лестное предложение от знаменитого покровителя большого ринга не могло не смягчить уязвленных чувств недавних соперников. И все же оставить без внимания нарушение правил не представлялось возможным.

– Сэр, ни мое оружие, ни оружие моего друга не было заряжено! – обвинительным тоном заявил Джек.

– Знаете, о чем я только что вспомнил? – откликнулся сэр Гэвин. – У меня ведь дырявая память! Приношу свои извинения, честное слово. Со мной постоянно такое случается, вы должны меня простить.

У приятелей возникло подозрение, что над ними смеются, но затеять ссору с господином из Лондона было задачей не из легких. Впрочем, Том быстро нашел решение этой проблемы, накинувшись на Гарри.

– А ты почему не проверил оружие? Ты мой секундант! – с суровым видом спросил он.

– Я проверял! – ответил тот и расхохотался.

Пусть они не знали, как вести себя с господином из Лондона, зато им не составляло труда поставить на место Гарри, имевшего наглость потешаться над людьми, которые время от времени исключительно из жалости позволяли ему участвовать в своих развлечениях. Друзья смили его взглядами и стали решительно приближаться.

Путь им преградил господин из Лондона.

– Вина полностью на мне. Скажите, вы в самом деле хотели убить друг друга?

– Нет! – ответил Джек. – Напрасно вы, сэр, влезли не в свое дело и не зарядили пистолеты, потому что мы в любом случае стреляли бы в воздух!

– Моя бестактность частенько не дает мне уснуть по ночам, – стал оправдываться сэр Гэвин. – Видите ли, меня просили... просила одна леди... вмешаться в вашу ссору. Что

же мне еще оставалось?

Вспомнив события давешнего вечера, Джек с беспокойством посмотрел на Тома.

– Том, почему?

Том покраснел.

– Неважно! Разумеется... в любви и на войне все средства хороши, но эти розы! Никогда не думал, что ты так со мной поступишь!

– Какие розы? – спросил Джек.

– Твои. Те, что она держала в руках.

– Это не мои розы! – воскликнул Джек и сверкнул глазами. – Вот те на, Том! Мне уже хочется вызвать на дуэль тебя. Ты решил, что я способен на такую подлость? Уму непостижимо!

– Не твои?! – удивился Том.

Сэр Гэвин деликатно кашлянул.

– Если вы о тех цветах, что держала вчера вечером мисс Трин, то они от меня!

Молодые люди уставились на него.

– Надеюсь, вы оба не вызовете на дуэль меня, – сказал он, – но дело в том, что мисс Трин оказала мне честь, согласившись стать моей женой. О помолвке было объявлено вчера за ужином.

Новость оказалась шокирующей. Оба неудачливых претендента на руку и сердце попытались представить себе, что теперь их жизнь разрушена, – но безуспешно. Том с досто-

инством произнес:

– Вы могли сообщить нам об этом вчера вечером, сэр!

– Конечно, мог, но у меня возникло странное ощущение, что это совершенно бесполезно, – признался сэр Гэвин.

Друзья задумались. На серьезном лице Тома появилась невольная улыбка.

– Пожалуй, вы правы, – неохотно согласился он.

Джек чинно поклонился.

– Позвольте пожелать вам счастья, сэр, – благородно произнес он.

– Очень вам признателен, – любезно поблагодарил сэр Гэвин.

– Наверное, в ваших глазах мы выглядели как полные болваны, сэр? – спросил Том, краснея.

– Ничуть, – ответил сэр Гэвин. – Вы вели себя весьма достойно, и я счастлив помочь в деле чести, столь похвальном для обоих противников. А сейчас поедемте в трактир за этой чудесной рощей. Полчаса назад я сделал заказ, и, думаю, завтрак уже готов. Да и лошадей жалко – застоялись.

– Это точно! – воскликнул Том. – Превосходные у вас кони, сэр! Красавцы!

– Рад, что они вам нравятся, – сказал сэр Гэвин. – Прошу, проверьте их в деле. Поезжайте на них в «Восходящее солнце», а я с вашего позволения сяду в двуколку.

Ожидать от двух начинающих наездников, что они станут страдать из-за своих разбитых сердец, когда им подверну-

ся случай управлять парой чистопородных скакунов, – это уж слишком. Том с Джеком кратко, но горячо поблагодарили сэра Гэвина и поспешили к экипажу, споря о том, кому первому достанутся вожжи.

Сэр Гэвин, искренне надеясь, что решение доверить им пару строптивых лошадей не окажется опрометчивым, взял под руку своего коллегу-секунданта и мягко подтолкнул его к скромной двуколке.

Тайное дело

Беспокойным взглядом своих обычно веселых серых глаз мисс Тресилян окинула стоящую перед ней пару. Не то чтобы вид мистера Роузли и мисс Люси Тресилян чем-либо смутил бы даже самого придирчивого критика, ведь таких красивых людей и сыскать-то трудно: девушка – жгучая брюнетка, изящно сложенный джентльмен – сама юность с золотыми локонами и классическими чертами лица. Одет он был вполне уместно для утреннего визита: в синий сюртук, бежевые панталоны и ботфорты; а если складки шейного платка и не достигли щегольских высот, то молодой человек совершенно точно приложил все усилия к тому, чтобы они выглядели наилучшим образом. Собственно говоря, вид мистера Роузли всецело соответствовал торжественному событию: он явился просить у мисс Тресилян руки ее племянницы.

Робко улыбнувшись, юноша произнес:

– Полагаю, для вас это не стало неожиданностью, мадам! Вы были так добры, и я убежден... то есть... позволил себе рассчитывать, что вы не будете против.

Нет, неожиданностью для мисс Тресилян это не стало. Почти год минул с тех пор, как мистера Роузли представили ее племяннице в Лоуэр-Румз, в Бате. С того дня ни один из них не нарушил верность другому, хотя и Люси не испытывала недостатка в поклонниках, и за молодым человеком,

наделенным столь красивой внешностью и большим состоянием, наверняка охотилось великое множество потенциальных невест. К тому же мисс Тресилиан не могла отрицать, что с благосклонностью смотрела на эту пару: они в высшей степени подходили друг другу.

– Конечно, она не будет против! – воскликнула Люси. – Вы ведь обо всем догадывались с самого начала, да, тетя Элинор?

– Да, – призналась мисс Тресилиан. – Но пока мы не привезли тебя в Лондон, милая, я не знала, что семья Артура не согласна с этим союзом.

– О нет! – быстро вставил мистер Роузли. – Возражает только Ивер! Моя сестра в полном восторге.

– А лорд Ивер приходится Артуру всего лишь кузенком, – сказала Люси. – Троюродным. Почти и не родственник вообще!

Услышав это, мистер Роузли нерешительно произнес:

– Вообще-то он мой опекун. Я бы ни за что на свете не стал огорчать его, только он утверждает, что мы слишком молоды... и все в таком духе. Но он изменит свое мнение! Особенно если я скажу, что вы не против нашего брака, мадам.

– Я, конечно, не против, – задумчиво ответила мисс Тресилиан, – однако соглашусь с лордом Ивером, вы еще очень молоды. У Люси это первый сезон, и...

– Как же можно, тетя? – запротестовала ее племянница. – Да, я начала выезжать в свет только в прошлом месяце, но вы

ведь знаете, что привезли бы меня в город еще год назад, если бы тетя Клара не заявила, будто очень больна и ее нельзя оставлять одну! Мне ведь уже девятнадцать, и в Бате я давно посещала балы.

— К сожалению, моя милая, до недавнего времени я и не подозревала, в какой неловкой ситуации находится Артур. Как и о том, что у него есть опекун, а уж...

— Нет, нет, мадам! — взволнованно перебил мистер Роузли. — Ивер больше меня не опекает, я вышел из того возраста. Он всего лишь мое доверенное лицо и не вправе запретить мне жениться, у него вообще нет надо мной власти!

— Полагаю, если ваши деньги будут в его руках, пока вам не исполнится двадцать пять, то у него есть власть над вами, да еще какая! — иронично заметила мисс Тресилян.

Несмотря на встревоженный вид, мистер Роузли вымолвил:

— Он не посмеет... Я знаю, он не посмеет! Его считают жестоким, но он никогда так ко мне не относился. Ивер самый добрый опекун на свете, хотя мог бы послать меня к черту, ведь мне было всего восемь лет, когда умер мой отец, а ему только-только стукнуло двадцать пять. Удивляюсь, как он не оставил меня на воспитание в моем собственном доме, потому что я хвостиком за ним таскался!

На этот раз мисс Тресилян предпочла промолчать. Ей казалось, что мистер Роузли ни разу не дал лорду Иверу ни малейшего повода для проявления жестокости. Хоть ей и при-

шелся по душе мягкий нрав молодого человека, она чувствовала, что решительность не относится к числу многих его достоинств. Во взгляде мистера Роузли не сквозило и намек на сильный характер; в отличие от Люси: у той настойчивость была в крови.

— Если он не даст согласия, мы все равно поженимся, — весело заявила Люси. — У меня тоже есть кое-какие деньги, и мы вполне можем содержать себя, пока не закончится срок этого твоего опекунства.

Тут мисс Тресилян твердо заметила, что ни она сама, ни отец Люси не станут поощрять помолвку, не одобренную лордом Ивером, а всегда откровенная Люси воскликнула:

— Дорогая тетя, вы же знаете, что это чепуха! Папа лишь скажет вам решить все по своему усмотрению.

Мисс Тресилян рассмеялась.

— Ну, решать-то я ничего не могу, зато могу и должна пока запретить помолвку. Очень сочувствую вам обоим, только если лорд Ивер не изменит своего мнения, боюсь, вам останется ждать того времени, когда состояние Артура перейдет в его собственные руки.

Невозможно предположить, что перспектива более чем трехлетнего ожидания помолвки вызовет у влюбленной молодой пары какое-либо иное чувство, кроме разочарования. Мистер Роузли в подавленном состоянии покинул дам, сказав на прощание, что обязательно уговорит лорда Ивера пойти на уступки.

Люси же принялась горячо убеждать мисс Тресилиан, что ее любовь к Артуру не имеет ничего общего с детским увлечением, о котором можно быстро забыть. Впрочем, в том не было необходимости: хотя тетя и опекала ее практически с самого детства, их разделяли всего пятнадцать лет, и они были очень привязаны друг к другу. Мисс Тресилиан прекрасно знала, что ни капризной, ни впечатлительной ее племянницу не назовешь. В Бате за ней многие ухаживали, однако до появления мистера Роузли ни один из поклонников не заставил ее и повернуть головы. В Артура она влюбилась с первого взгляда, и вовсе не из-за хорошенького личика.

– Хорошенький? – переспросила Люси. – Наверное, да. Конечно. Все вокруг так утверждают. Только, по правде говоря, мне и дела нет до мужской красоты, и греческие профили не вызывают во мне восхищения. – И с блеском в глазах, которого мисс Тресилиан раньше не замечала, она добавила: – Его характер куда привлекательнее внешности. Он такой чуткий, понимает меня с полуслова! Будто мы знаем друг друга всю жизнь. О, милая тетя, я никогда и не мечтала о таком счастье!

Нет, Люси явно не разлюбит молодого человека. В то же время и безрассудной страстью это тоже нельзя было назвать. Она прекрасно видела недостатки мистера Роузли, потому что, когда мисс Тресилиан рискнула предположить, что из-за мягкости характера он легко поддается убеждению, девушка не колеблясь ответила:

– Так и есть! Подбить его на скверный поступок не получится, потому что у него твердые принципы; но у Артура добрый нрав, а неуверенность заставляет его полагаться на мнение других больше, чем на свое собственное. Это одна из причин, по которой я не хочу ждать четыре года до свадьбы.

– Люси, дорогая, можешь ли ты быть счастлива с человеком, который позволит тебе собою командовать?

– Честно сказать, – весело заметила Люси, – у меня такое чувство, что я вообще ни с кем другим не смогу быть счастлива! Вы ведь знаете мою отвратительную привычку во всем верховодить. – И добавила уже серьезнее: – Пожалуйста, помогите мне, милая тетя Элинон! Будь у лорда Ивера хотя бы одна разумная причина для отказа, клянусь, я бы отнеслась с уважением! Ни единой причины! Однако Артур так привык считаться с его мнением, что придется ждать почти четыре года... О, тетя, это самый ужасный человек, к тому же он видит во мне врага! Я не могла ошибиться! Мы встречались с ним всего лишь раз, когда я с миссис Крю ездила на бал к Уолтонам. Артур представил меня, а он так посмотрел!.. Будь я пронырливой оборванкой в поисках богатого мужа, его взгляд и то не выказал бы большего отвращения! При чем ему наверняка известно, что я не такая, потому что леди Уиндлсхэм это знает... А если уж сестре Артура по душе наш союз, то какое право имеет лорд Ивер... – Девушка осеклась. – Ладно! Что толку об этом говорить. Придумайте что-нибудь, тетя Элинон! Бесполезно надеяться, что Артур

сумеет переубедить этого монстра.

Мисс Тресилиан еще меньше племянницы верила, что попытки мистера Роузли приведут к успеху, но была удивлена куда больше Люси, когда двумя днями позже лорд Ивер собственной персоной явился в элегантный дом на Грин-стрит, арендованный ею на этот сезон. Узнав о том, что он ожидает в гостиной, мисс Тресилиан испуганно воскликнула:

– О нет! Только не это...

Однако почти мгновенно взяла себя в руки и отправила слугу вниз сообщить его светлости, что она спустится через минуту, а затем с тревогой взглянула на свое отражение в зеркале.

Юная и жизнерадостная Люси склонялась к тому, что лорд Ивер волшебным образом изменил свое мнение и приехал обсудить свадебные планы. Мисс Тресилиан, не питавшая таких надежд, попросила ее умерить оптимизм и спустилась вниз, полная решимости помочь влюбленным.

Посетитель стоял лицом к окну, но, услышав шаги, повернулся и посмотрел на хозяйку.

Она притворила дверь и осталась стоять, храбро выдержав твердый, испытующий взгляд. С минуту они молча изучали друг друга. Леди видела перед собой загорелого широкоплечего мужчину со строгими чертами лица, чья короткая стрижка, шейный платок и начищенные до блеска высокие

сапоги выдавали в нем состоятельного человека, любителя спорта. Мисс Тресилян было давно за тридцать. Хотя в последнее время она стала надевать чепец поверх мягких каштановых кудрей и держалась с твердой уверенностью, как и подобает даме ее возраста, ей удалось сохранить лицо и фигуру значительно более молодой женщины.

Она нарушила тишину, сделав шаг вперед:

– Мне сказали, что вы желаете меня видеть, сэр. Могу я узнать, по какому вопросу?

Лорд Ивер сдержанно поклонился.

– Благодарю за прием, мадам. Что же касается моих желаний... Я подумал, будет лучше встретиться лично, чтобы исключить недомолвки.

– Прошу, садитесь, сэр! – сказала мисс Тресилян, грациозно опускаясь в кресло.

Лорд Ивер не обратил внимания на приглашение и сразу перешел к делу:

– Полагаю, вам известно о цели моего визита. Если вы и в самом деле опекаете свою племянницу... И все же позвольте заметить – с моей точки зрения, это неслыханно! У нее есть отец, а вы слишком молоды, чтобы быть опекуном.

– Разумеется, у нее есть отец, – холодно ответила мисс Тресилян. – Но когда он женился во второй раз, мы договорились, что его дочь останется со мной. Позвольте напомнить вам, сэр, не так уж я и молода!

Тут разговор, тон которого до сего момента хотя бы со

стороны казался официально-вежливым, претерпел резкое изменение.

– Я знаю в точности до дня, сколько вам лет, так что не несите чепухи! – раздраженно бросил его светлость. – Более глупой договоренности не придумаешь!.. Ваша сестра с вами?

– Нет, – ответила мисс Тресилян, не сводя с лорда Ивера враждебного взгляда, – не со мной. У нее слабое здоровье...

Гость издал злобный смешок.

– Не нужно мне рассказывать! Продолжает страдать от мнимых припадков и не дает вам житья?

– Скажите на милость, вы явились сюда поговорить о здоровье моей сестры?

– Вы прекрасно знаете, зачем я пришел! Причина – в жалкой любовной связи между вашей племянницей и моим кузеном... которую вы, по всей видимости, поддерживаете!

– Уверяю вас, если бы я знала, что мистер Роузли ваш родственник, сэр, я бы сделала все, чтобы не допустить этого романа, который мне по душе не больше, чем вам!

– Хороший же вы опекун! Даже не удосужились разузнать о семье Артура! – язвительно заметил лорд Ивер.

– А вы удосужились навести справки обо всей дальней родне Люси? – парировала мисс Тресилян.

– Не было необходимости. Я знал, что она ваша племянница. Заявляю прямо, мне не нравится эта связь, и я сделаю все, чтобы положить ей конец. И не стоит меня недооцени-

вать! Увидите, я на многое способен!

– Да выкиньте вы из головы, что мне нравится этот роман! – взмолилась мисс Тресилян. – Для меня не может быть ничего неприятнее, чем родство с любым из членов вашей семьи!

– Ну еще бы!.. Вы дали ясно это понять, когда бросили меня.

– Если вы имеете в виду то, что я разорвала неудачную помолвку, о которой вы сожалели не меньше моего...

– Я здесь не того, чтобы обсуждать давнюю историю! – перебил лорд Ивер.

– Если вы явились сообщить мне, что не желаете свадьбы вашего драгоценного кузена с Люси, то напрасно потратили время! – парировала мисс Тресилян.

– Ага! – тотчас воскликнул его светлость. – Значит, вы все-таки на их стороне? Все с вами ясно!

Она хотела опровергнуть неуместное предположение, но вдруг подумала, что это вряд ли поможет ей сдержать обещание и помочь племяннице. Ценой невероятных усилий мисс Тресилян все же удалось взять себя в руки, улыбнуться и произнести с достойным похвалы спокойствием:

– Достаточно! Зачем нам набрасываться друг на друга, Ивер. Пусть нам обоим все это не по душе, однако наша ссора двенадцатилетней давности не должна служить препятствием для женитьбы детей.

– Вы рассказывали о ней своей племяннице?

– Нет... Полагаю, не больше, чем вы своему кузену. Что толку? Они ответят, что это их не касается, и будут совершенно правы.

– Ну уж нет, я этого не потерплю! – заявил лорд Ивер.

– Полно вам, перестаньте! – воскликнула Элинора. – Кроме наших разногласий, какие еще у вас есть аргументы против этого брака? Ни одна пара, скажу я вам, не подходит так хорошо друг другу! – Она на мгновение замолчала, а затем не очень уверенно добавила: – Какими отъявленными эгоистами мы будем, если позволим им разбить сердца только потому, что когда-то сами поссорились.

Лорд надменно скривил губы.

– Сердца так просто не разобьешь!

– Мне ли этого не знать!

– Тогда нечего и обсуждать эту глупость.

Слишком поздно поняв, что выразилась неудачно, мисс Тресилиан попыталась вернуть утраченные позиции.

– Ни один из нас не вправе судить, что испытывают по-настоящему любящие люди. У нас с Люси разные характеры: завоевать ее чувства не так-то просто, и они крепче моих.

– Еще бы, куда им быть слабее ваших! – вставил лорд Ивер. – Избавьте меня от ваших трогательных речей! Ваша племянница достаточно молода, чтобы оправиться после разочарования, и быстро отыщет себе нового, не менее завидного ухажера.

Уязвленная мисс Тресилион ответила:

– Даже не сомневайтесь!

– О, оставьте этот тон! – сердито буркнул его светлость. – Ни за что не поверю, что вы не знали о состоянии моего кузена. Он – один из самых богатых женихов, бесценный приз для любой девушки.

Поспешно вставая с кресла, она ответила:

– Если уж на то пошло, Артур никогда не будет бесценным призом для Люси. Можете мне поверить, милорд!

– Благодарю! – кивнул он. – Я услышал, что хотел, и мне остается лишь откланяться. Ваш покорный слуга, мадам!

– Люси, – обратилась мисс Тресилян к племяннице со спокойной решимостью, – если твою гордость не задевают намеки, что мы поймали в сети богатого жениха, то мою еще как оскорбляют! Я не прошу тебя выбросить мысли об Артуре из головы. Я лишь говорю, что, пока он не станет полностью самостоятельным и ты не повзрослеешь, я не буду поощрять его визиты и не разрешу тебе появляться там, где для вас есть хоть малейший шанс встретиться.

Младшая мисс Тресилян, стараясь придать голосу беспечность, промолвила:

– Дорогая тетя, вы намерены посадить меня под замок? Мы с ним можем встретиться где угодно, да хотя бы в «Ол-макс»!¹

¹ Лондонская ассамблея (1765–1871), первый клуб, посещать который имели право и мужчины, и женщины.

– Да, – ответила ее тетя. – Ты прекрасно знаешь, что сажать тебя под замок не входит в мои планы. Я придумала кое-что получше. Уверена, что тебе понравится, потому что ты всегда мечтала о путешествиях за границу, только из-за ужасного Бонапарта они были невозможны. Теперь же все по-другому...

– О нет, нет! – воскликнула Люси. – Мне и дела нет до того, что думает лорд Ивер! Он не имеет права запретить мне выйти замуж за Артура, а если он такой подлый, что не станет выдавать Артуру деньги, то мы как-нибудь проживем на мои. И никто не упрекнет Артура за это, потому что, как только ему исполнится двадцать пять, он вернет мне все до последнего пенни, если посчитает нужным! Нам необходимо только согласие папы, то есть ваше, дорогая тетя!

– Вы его не получите! – отрезала мисс Тресилян с непривычной для нее суровостью. – Подумай сама, милое дитя! Как ты можешь рассчитывать, что я допущу такую непристойность и поддержу брак, против которого решительно возражает человек, в чьих руках находится состояние Артура?

Элинор увидела, что ее слова достигли цели, и, не теряя даром времени, принялась расписывать Люси преимущества своего плана. Племянница слушала молча. Вскоре у мисс Тресилян иссякли все аргументы, и она с облегчением выдохнула, когда Люси крепко ее обняла.

– Вы самая лучшая и самая добрая тетя на свете! – заявила

девушка. — Я хорошо понимаю ваши чувства, честное слово! И ни за что на свете не попросила бы вас совершить то, к чему вы плохо относитесь. Я просто не подумала, насколько это для вас неприемлемо. Простите меня!

Воодушевленная мисс Тресилян посоветовала племяннице не слишком преувеличивать и стала раздумывать над скорейшим воплощением в жизнь своих планов и над тем, что скажет ее требовательная старшая сестра, когда узнает, что она не вернется в Кэмден-Плейс, а надолго уедет за границу.

Люси не особо принимала участие в подготовительных хлопотах, которыми мисс Тресилян была занята всю следующую неделю. Она также не выказала ни малейшего восторга по поводу предстоящих покупок. Зато и не произнесла ни слова против. По мнению Элинор, рассчитывать на большее было бы неправильно, если вспомнить, в каком угнетенном расположении духа пребывает девушка. Продумывая маршрут путешествия, мисс Тресилян учла и вероятность того, что мистер Роузли захочет отправиться вслед за своей возлюбленной. Скорее всего, лорд Ивер пресечет такой план на корню, однако она была полна решимости добавить к его запрету еще и свой.

Случая поговорить с мистером Роузли с глазу на глаз мисс Тресилян так и не выпало. В один из дней в начале двенадцатого утра, вернувшись на Грин-стрит после затянувшейся встречи в Сити, ее встретила служанка и без стеснения

отчитала за поездку в город без сопровождения, что, по мнению этого сурового критика, было чревато опасностями.

– Завтрак подан час назад! – заявила мисс Беггеридж, принимая шаль и перчатки. – Немедленно идите за стол, мисс Элиноор! Сколько можно мотаться по городу! Что сказала бы на это ваша бедная мама, даже и не знаю!

С детства привыкшая к нотациям этой защитницы морали, мисс Тресилиан сняла соломенную шляпку, которая очень ей шла, и спросила только одно:

– Где мисс Люси? Полагаю, она уже позавтракала.

– Этого можно было бы ожидать от приличной молодой леди, – буркнула мисс Беггеридж. – А у мисс Люси перед глазами ваш пример, так что с чего бы ей быть такой...

– ...даже и не знаю! – закончила мисс Тресилиан.

Мисс Беггеридж пронзила ее испепеляющим взглядом.

– Прекрасно понимаю, что это не мое дело, мисс, и никогда бы не позволила себе и слова сказать, но если молодая леди гуляет по городу без слуги и с картонкой в руках, как обычная простолюдинка, тут уж мне совесть не позволит смолчать!

– Если у Люси в руках была картонка, значит, она отправилась за платьем из французского батиста, которое отдавали в переделку, – спокойно ответила мисс Тресилиан.

Мисс Беггеридж хмыкнула, однако от дальнейших комментариев воздержалась. Проследив, чтобы хозяйке подали горячий кофе и хлеб с маслом, она извлекла из кармана за-

печатанное послание и проворчала:

— Тут письмо от мисс Клары. Кстати, пришлось заплатить за него целый шиллинг. Вот, возьмите, но на вашем месте, мисс, я бы занялась им только после завтрака. — Дав этот мудрый совет, она удалилась.

Тем временем мисс Тресилян, которая никогда не относилась к числу тех, кто уклоняется от неприятных обязанностей, сломала облатку, развернула жалобное письмо сестры на три полные страницы и, потягивая кофе, стала читать.

Ничто на свете не удручило бы Элинон больше, чем доклад старшей мисс Тресилян о состоянии здоровья. Но поскольку подробные описания мучений, которые та испытывала от ревматизма, нервного тика, судорог и бессонницы, перемежались с последними сплетнями из Бата и возмущением по поводу очередного проигрыша в вист, они ничуть не тронули мисс Элинон Тресилян. Она поняла, что Клара неплохо проводит время в увеселениях, обрадовалась, что в письме нет чрезмерного недовольства бедной женщиной, которую наняли больной в компаньонки, и встала, чтобы положить письмо на место. Сделать это ей так и не удалось. Открыв крышку бюро, она наткнулась на другое письмо, адресованное ей и написанное рукой Люси. Послание Клары упало на пол, а мисс Тресилян, чувствуя неладное, схватила письмо племянницы и быстро его развернула.

«Дорогая, любимая тетя! Это будет для вас потрясением, и я лишь могу умолять вас простить

меня и понять (я уверена, вы поймете!) всю критичность моего положения, которая и заставила меня пойти на поступок, отвратительный для меня в той же степени, что, увы, и для вас. К тому времени как вы прочтете эти строки, я буду за много миль отсюда, а когда брошусь к вашим ногам, чтобы вымолить прощение, я уже стану женой моего обожаемого Артура. О, моя милая тетя, поверьте, это серьезное решение не далось мне без мучительной борьбы, потому что необходимость идти к алтарю без вашего благословения и присутствия, которое должно поддержать меня в столь торжественный момент, очень меня угнетает. И только убежденность в том, что отказ одобрить нашу помолвку идет не от вашего сердца, а от желания соблюсти приличия, придает мне храбрости для совершения поступка, который шокирует вас и весь белый свет. Мое единственное утешение (помимо счастья обвенчаться с лучшим и благороднейшим из мужчин) состоит в том, что никто, даже лорд Ивер, не сможет возложить на вас ответственность за то, что я вынуждена назвать (пусть мне трудно вывести это ужасное слово) побегом...»

Потрясенная, мисс Тресириан долго не могла прийти в себя. Из полнейшего ступора ее вывел звук внезапно открывающейся двери, из-за которой послышался грубый, хорошо знакомый голос:

– Благодарю, я сам объявлю о своем приходе!

Она подняла голову и безучастно посмотрела на лорда Ивера.

Тот был одет по-дорожному и даже не соизволил снять длинное белое пальто с многослойной пелериной. Сверкающие глаза и плотно сжатые губы ясно говорили о том, что его светлость в гневе, однако заговорил он не сразу. Прошло несколько секунд, прежде чем его взгляд упал на письмо в руке мисс Тресилян.

– Полагаю, я напрасно приехал! Это от вашей племянницы?

Плохо понимая, что делает, Элинор протянула письмо. Лорд Ивер быстро пробежал его глазами и презрительно процедил:

– Очень трогательно – если вы любите романтику. Я – нет. – Он испытующе заглянул ей в лицо и хмыкнул. – Только не надо трагичных взглядов. Вы же не считаете, что мне не следует мешать осуществлению этого безумного плана, а?

Она в отчаянии прижала пальцы к пульсирующим вискам.

– Вы можете им помешать? Вы знаете, куда... Артур вам написал?

– Конечно. А как еще повел бы себя такой глупец, как он? – рявкнул в ответ его светлость. – Что же до того, куда они отправились, это мне и без него известно! Как, впрочем, и вам.

– У меня нет ни малейшего представления! – взволнованно призналась Элинор. – Куда они могли поехать? Она еще

несовершеннолетняя! Даже если Артуру и дали специальное разрешение, их все равно не обвенчают! Люси об этом знает, и он, конечно, тоже.

– Разумеется, но только есть одно место, где их могут поженить, не задавая вопросов.

Прочитав замешательство на лице Элинора, его светлость решительно подошел к ней и встряхнул за плечи.

– Они бегут к границе, наивная вы моя! Сочетаться браком в Гретна-Грин² – прелестный план, не правда ли?

– В Гретна-Грин... – растерянно повторила мисс Треси-лиан. Вспыхнув, она оттолкнула лорда Ивера и воскликнула: – Как вы смеете говорить такие вещи? Люси ни за что не допустит такой непристойности!

– Тогда извольте объяснить, куда еще она могла отправиться, если сама вам сообщила, что намерена выйти замуж?

– Не знаю! – воскликнула она, заломив руки. – Если только... они обманули какого-нибудь священника, сказав, что Люси совершеннолетняя?

– Тогда им вряд ли понадобилась бы почтовая карета с четверкой лошадей. Ах, да, забыл сказать, я уже выяснил это, как и то, что карету наняли на неопределенный срок, а форейторов – на два перегона. Собственно говоря, до Уэлина, а Уэлин, напомню, стоит на Большой северной дороге.

– О нет! – запротестовала мисс Треси-лиан. – Не верю!

² Деревня на границе Англии и Шотландии, где проводились обряды венчания в обход законодательства.

– Неважно, верите вы или нет! – зло бросил лорд Ивер. – Как бы то ни было, я свой долг исполнил, а теперь мне пора. Я догоню их задолго до того, как они доберутся до границы, и постараюсь вернуть вам племянницу без скандалов, так что не отчаивайтесь.

– Подождите! – вымолвила Элино́р. – Она писала, что для нее это так же невыносимо, как для меня... что-то про мучительную борьбу... Боже, она сошла с ума! Ивер, она ушла из дому, когда еще не было и десяти! Вы можете их догнать?

– Вы сомневаетесь? Держу пари, я настигну их еще до наступления сумерек! Только на вашем месте я бы не стал спорить.

– Тогда дайте мне десять минут, я еду с вами! – воскликнула Элино́р, торопливо направляясь к двери.

– Не говорите глупости! Я не возьму с собой ни вас, ни кого-то еще! Даже слугу!

– Даже слугу? Вот и прекрасно! А меня возьмете, смиритесь с этим, Ивер. Кто еще защитит репутацию Люси, кроме меня? Не вы же! В самом деле, вы ей скорее навредите.

– Премного благодарен! Смею заметить, почтовую карету я не нанимал, поеду в своей коляске!

– Смею заметить, милорд, что мне не впервой путешествовать в коляске и даже править, если уж на то пошло.

– До этого уж точно не дойдет! – уверил лорд Ивер спешащую к двери Элино́р.

Первые несколько миль они преодолели в молчании. Мисс Тресилян погрузилась в тяжелые раздумья, а внимание лорда Ивера целиком поглотила задача провести строптивых лошадей по шумным и оживленным улицам. Легкий, отлично поддрессированный экипаж, в который пристрастный к спорту и безупречно правящий лошадьми хозяин запряг четверку вместо пары, катился резво и умирил хотя бы один из страхов мисс Тресилян. Теплый и солнечный июньский день, отличная дорога – эти обстоятельства значительно помогли ей воспрянуть духом. Когда милорд без остановки промчался через Барнет, она поинтересовалась, где он намерен заменить лошадей. Его светлость резко ответил, что кони прекрасно выдержат два перегона. Мисс Тресилян вновь замолчала, однако спустя двадцать минут неожиданно произнесла:

– Меня не покидает чувство, будто все это напрасная затея.

– Тогда зачем, скажите на милость, вы за мной увязались?

– На случай, если вы окажетесь правы. Но чем больше я размышляю, тем меньше в это верю.

В Уэлине, где милорд распорядился отвести своих лошадей в стойло и нанял других, ее оптимизм окончательно угас. Один из лакеев в «Белом олене» уверенно сообщил, что видел, как красивый молодой джентльмен, выйдя из кареты, зашел к ним за лимонадом для своей дамы, и описал его так подробно, что сомнений не оставалось. Повеселевшая бы-

ло мисс Тресилян помрачнела, и ее настроение еще больше упало, когда, отъезжая от постоянного двора, его светлость бросил:

– Ну что, довольны?

Уязвленная грубой поддевкой, она ответила:

– Странное у вас сложилось обо мне впечатление, если вы считаете, что я могу радоваться таким вестям! Впервые в жизни я так расстроена.

– Ничуть не удивлен. Если и требовалось доказательство, что вы совершенно не годитесь в опекуны, ваша племянница мне его предоставила!

– Ну, как следует воспитать своего подопечного вы тоже не сумели!

– У меня нет ни малейшего сомнения, что Артура подбила на побег ваша племянница!

– Положа руку на сердце, у меня тоже, – откровенно сказала мисс Тресилян. – Люси в десять раз решительнее вашего кузена! Мне так не нравится в нем эта робость, хотя я вполне понимаю ее причину. Бедный Артур! Действительно, очень трудно развить силу воли, если с самого младенчества с тобой грубо обращаются и запугивают.

– Грубо обращаются и запугивают?! – возмущенно повторил его светлость.

– Полагаю, вы даже не замечали, что угнетаете мальчика, – утешительным тоном произнесла она.

– Нет! И он тоже, смею заметить! Чего уж там, добавьте

еще, что он пустился в бега, потому что меня боится!

– Конечно, так оно и есть! – промолвила Элинор, с искренним удивлением повернув голову и разглядывая хмурый профиль своего спутника.

– Боже, дай мне терпения! – воскликнул лорд Ивер. – Значит, вы намерены переложить ответственность на мои плечи? Так вот, ничего у вас не выйдет! Это вы виноваты, а во все не я!

– Я?! – ахнула она.

– Да, вы! С вашим безумным планом увезти девочку за границу! Какая нелепая, необдуманная идея...

– Это просто неслыханно! – перебила его мисс Тресилян. – Может, скажете еще, что это я им запретила жениться?

– Во всяком случае, вы – единственный человек, который имел право это сделать.

– Неужели? Наверное, мне приснилось, как вы говорили, что положите конец их планам, и предупреждали, что не стоит недооценивать ваши возможности?

– Я думал, у вас хватит ума не подливать масла в огонь, ведь любому, кроме самой безмозглой курицы, было ясно, чем это может обернуться.

– Вы перешли все границы! – возмутилась Элинор. – И не смейте мне говорить, что у вас нет полномочий, Ивер, потому что я прекрасно знаю: деньги Артура в ваших руках, и в вашей власти не дать ему и пенни!

– Не несите чепухи! – раздраженно бросил он. – Как вы

это себе представляете? Хорошее бы обо мне сложилось впечатление!

– Вы угрожали, что так и поступите.

– Вполне возможно, но если Артур в это поверил, значит, что он еще больший болван, чем я о нем думал! Если бы парень всерьез вздумал жениться, у меня бы не получилось ему помешать. В глазах света этот брак вполне приемлем. Пуститься в бегство его заставили вовсе не мои угрозы, а ваше решение их разлучить.

– Ну, знаете ли, это самое злое и несправедливое обвинение из всех, что вы когда-либо бросали в мой адрес! – воскликнула мисс Тресилян. – Значит, я вмешалась? А позвольте спросить, с какой такой целью вы, Ивер, явились на Грин-стрит, если не убедить меня сделать это?

Она заметила, как слегка зарделась его скуластая щека: верный признак замешательства, который принес ей гораздо больше удовлетворения, чем она рассчитывала. Помолчав немного, Элинор строго добавила:

– Если в вас осталась хоть одна добродетель, то вы признаете вину за собой и попросите у меня прощения!

Огорошенный этими словами, лорд Ивер посмотрел на спутницу пылающим взглядом.

– О нет! Только не это! Как-то раз я уже имел неосторожность принять на себя вину за ссору, которую не начинал, умолял вас о прощении... – Его светлость вдруг замолчал, а потом с горечью добавил, останавливая лошадей у заставы: –

Я был еще глупее Артура!

Никогда мисс Тресилян так не радовалась тому, что избавлена от необходимости отвечать. Пока Ивер оплачивал дорожный сбор, она взяла себя в руки и после того, как экипаж тронулся, сумела довольно спокойным тоном вымолвить:

– Если тот человек говорил правду, мы, конечно, к ним уже ближе, но все равно еще далеко. Где вы думаете их настичь?

– После Стамфорда, если только они нигде не задержатся. Болдок миновали в полном молчании, и уже за городом лорд Ивер внезапно спросил:

– Почему вы мне тогда не ответили? По-вашему, мне ничего не стоило написать то письмо?

Элинор покачала головой – ответить мешал подступивший к горлу ком. Наконец она взяла себя в руки и произнесла, не поднимая глаз:

– Когда принесли письмо, я решила не отвечать, чтобы не начинать все сызнова. Видите ли, после удара мама осталась парализованной. Вы же помните, как мы жили в Маноре! Отец полностью от нее зависел, Люси осталась без матери, а Клара... Думаю, нет нужды объяснять, почему было бесполезно надеяться, что Клара заменит ей маму.

Ошеломленный лорд Ивер выслушал ее молча, затем говорил с едва сдерживаемой яростью:

– И столь же бесполезно объяснять вам, что Клара нико-

гда не болела ничем, кроме зависти и неслыханного эгоизма! Мы достаточно ссорились по этому поводу!

Она улыбнулась.

– Мне признать, что вы оказались правы? Наверное, это так... хотя несправедливо отрицать, что у нее всю жизнь было слабое здоровье.

– Я давным-давно говорил, что Клара с удовольствием испортит вам жизнь! Как теперь выясняется, она умудрилась испортить и мою жизнь тоже, а все благодаря тому, что вы упрямовствовали и отказывались мне верить!

– Вздор! – воскликнула мисс Тресириан. – Вы прекрасно знаете, что на всем свете нет двух других людей, которые меньше бы подходили друг другу, чем мы с вами. Что же до испорченной жизни, надеюсь, вы не станете мне сейчас рассказывать, что последние двенадцать лет горевали о нашей любви? Потому как мне известно, что это неправда! Даже если только половина слухов о вас оказались бы лживыми, вы все равно не испытывали недостатка в утешении!

– Значит, вот что обо мне толкуют в Бате? Да, я не горевал, но вот уж чего вы точно обо мне никогда не слышали, так это чтобы я на ком-нибудь хотел жениться!

– Совершенно верно. Вам очень удобно оставаться холостяком! Убеждена, что без жены у вас гораздо больше времени на развлечения.

– Вы ничуть не изменились! Как часто у меня чесались руки придушить вас за такие высказывания.

– Не сомневаюсь! Однако нет никакого проку обсуждать то, что вы абсолютно справедливо назвали давней историей. Нам нужно решить куда более важный вопрос. Что делать с этими негодниками, когда мы их поймаем?

– Свернуть им шеи!

– Весьма непрактично. Не знаю, как вам, а мне вовсе не хочется за решетку.

Лорд Ивер рассмеялся.

– Уж Артура-то я в любом случае взгрею так, что он надолго запомнит.

– Еще бы! Мне хочется то же самое сделать с Люси. Тем не менее это не ответ. Нам придется дать согласие на бракосочетание, причем сделать это как можно ласковее.

– Может, еще прикажете отвести их к алтарю?

Элинор с недоверием посмотрела на спутника.

– Ивер, прошу, умерьте свой гнев! Вы сами сказали, что не в силах помешать, если у Артура серьезные намерения. Разве это не доказательство, что намерения у него самые серьезные?

– Это доказательство лишь тому, что он еще не вышел из щенячьего возраста! Боже мой, до такого мог додуматься только отъявленный негодяй или бестолковый мальчишка!

– Все это неприятно, конечно, но...

– А если Артур и ваша шустрая племянница решили, что они могут заставить меня плясать под свою дудку, то ничего у них не выйдет!

– Да уж, – горько вздохнула мисс Тресириан. – Следовало догадаться, что вы упретесь, как баран. У вас и раньше был талант усугублять проблемы. Как видно, вы его не растеряли.

К тому времени, как они въехали в Стамфорд, мисс Тресириан чувствовала себя настолько усталой, что могла лишь удивляться, не из железа ли сделан ее спутник. Они преодолели больше восьмидесяти миль, часто лошади бежали со скоростью, требующей огромной концентрации внимания, к тому же за шесть часов лорд Ивер позволил себе лишь две короткие остановки. Во время одной из них мисс Тресириан успела съесть немного ветчины и сделать пару глотков обжигающего кофе. Столь скудной пищей пришлось и ограничиться, потому что его светлость не удержался от колкого замечания: он, мол, предупреждал о том, что ее ждет, если она за ним увяжется. Это Элинор ему простила. Лорд Ивер держал спину так же прямо, как и в начале пути, руки его были тверды, взгляд сосредоточен, – и все же она догадывалась, что он устал, не только по застывшей между бровями складке. Последний час ехали в полном молчании; мисс Тресириан, забывшись тревожным сном, открыла глаза только во дворе «Георга» и немедленно осведомилась, что это за место.

– Стамфорд, – ответил лорд Ивер, смерив ее взглядом. – Совсем умаялись?

– Чуть-чуть устала, ничего особенного.

– Надо отдать вам должное: вы всегда были отважной женщиной. наших беглецов здесь нет, однако в городе еще две почтовые станции и несколько гостиниц поменьше. В одной из них они вполне могли остановиться на ночь.

– Но ведь еще светло.

– Тем не менее седьмой час. Знай они, что за ними погоня, то продолжили бы путь, только я не вижу причин считать, будто они так поступили. Давайте я помогу вам спуститься. Можете поужинать, а я пока обойду другие гостиницы.

Мисс Тресилян согласилась, но, оказавшись в отдельной гостиной, обнаружила, что слишком занята тревожными мыслями и не чувствует голода. Она лишь выпила бодрящего чаю, а когда его светлость вернулся, выслушала гневный упрек за столь легкий ужин.

– Не надо браниться! – взмолилась Элинора. – Уверяю вас, мне вполне достаточно чаю. А вот вы за весь день так и не поели.

– Вовсе нет, в «Лебеде» я съел сэндвич и выпил пива. – Лорд Ивер нахмурился еще сильнее. – Мне не удалось ничего разузнать. Скорее всего, в городе их нет. Даже если они меняли здесь лошадей, их никто не запомнил. Впрочем, тут нечему удивляться: у конюхов слишком много работы, чтобы обращать внимание на лица проезжающих.

Она упала духом.

– Делать нечего, придется продолжить путь.

– Будет с вас и этого! – рявкнул его светлость. – Сейчас

распоряжусь, чтобы ваши вещи отнесли в спальню, и можете оставаться здесь. Не сомневайтесь, я их поймаю и тотчас доставлю Люси сюда, так что извольте не спорить со мной!

– Спорить я не собираюсь, – сказала мисс Тресилян, завязывая капор, – но и оставаться в этом шумном постоялом дворе тоже!

– Послушайте меня, девочка моя!.. – грозно произнес лорд Ивер.

– Прикажите запрягать лошадей! – велела мисс Тресилян, не обращая внимания на его слова.

На первых двух заставах к северу от Стамфорда ничего достоверно известного им не сообщили, однако в Гритхэме, где они остановились поменять лошадей, конюх вспомнил молодых леди и джентльмена, потому что помогал им запрячь прекрасную четверку, и времени с тех пор прошло всего ничего. Ему показалось, что между ними не все гладко: они пререкались друг с другом – молодой господин хотел остановиться где-нибудь на ночь, а мисс настаивала на том, чтобы ехать дальше и вздремнуть по пути. Никакие уговоры на нее не действовали, и они помчались в сторону Грэнтхэма.

– Чем и выдали свои намерения тайно пожениться! – обронила мисс Тресилян, когда экипаж тронулся. – Люси совсем потеряла стыд!..

Ответа от лорда Ивера не последовало, и она, уставившись

невидящим взглядом в исчезающий в сумерках пейзаж, погрузилась в самые мрачные мысли. Из этого состояния ее вывел резкий возглас:

– Наконец-то!

Экипаж резко прибавил ходу, и вскоре впереди показалась запряженная четверкой почтовая карета, мчавшаяся на бешеной скорости.

– Дайте мне горн! – сурово скомандовал лорд Ивер.

– Смотрите за лошадьми! – отозвалась мисс Тресилян, достав горн. – С ним я управлюсь не хуже вашего.

В подтверждение своих слов она прижала мундштук к губам и издала оглушительный звук.

– О господи, что за бараны!.. – проворчал его светлость. Жалоба была вызвана стремительным увеличением расстояния: вместо того, чтобы пропустить нагоняющую их коляску, форейторы подхлестнули лошадей. – Держитесь крепче!

– Ивер, ради всего святого!.. – пролепетала Элинора, когда коляска опасно накренилась, подпрыгнув на кочке.

Он не повел и бровью. По выражению его лица она поняла: нет никакого смысла предлагать ему спокойно ехать за беглецами, пока те не устанут от погони и не остановятся сами. Разъяренный их вызывающим поведением, лорд Ивер вознамерился при первой же возможности обогнать карету.

С дурным предчувствием мисс Тресилян устремила взгляд на дорогу и попыталась не думать о том, что будет, если из-за поворота вдруг появится какая-нибудь повозка.

Милорд подал вправо, пока не пытаюсь обогнать, но в полной готовности отпустить переднюю пару лошадей. Почтовая карета упрямо держалась середины узкой дороги. За следующим поворотом оказался длинный прямой отрезок. Он был чуть шире, но все же, по мнению мисс Тресилян, недостаточно широк. Она заметила, как его светлость опустил вожжи, и, решив, что настал ее последний час, закрыла глаза. Замерев от страха, Элинор приготовилась к неминуемой катастрофе.

– Умница! – одобрительно произнес милорд.

Она распахнула глаза.

– Вы что, остановили их?

– Разумеется! А вы надеялись, я заторможу? Глупышка!

Лорд Ивер посмотрел назад, убедился, что запряженная в почтовую карету четверка перешла на рысь, и осадил собственных лошадей. Еще через минуту он остановил коляску и поставил ее поперек дороги. Передав вожжи мисс Тресилян, он дождался, когда карета подъедет, прыгнул на землю и зашагал к ней.

Фореиторы смотрели на него с испугом, однако его светлость не обратил на них внимания. Он поднял руку, чтобы распахнуть дверцу кареты, однако сделать этого не успел: ее открыли изнутри. Из кареты, не дожидаясь, пока опустят лестницу, соскочил на землю розовощекий юноша и поспешно произнес:

– Прошу прощения, сэр! Я не хотел... во всяком случае...

Черт возьми, как вы умело нас обошли! В жизни не видел такой великолепной езды!.. Вы, кажется, очень рассердились, – добавил он, с тревогой глядя на лорда Ивера.

Его светлость замер в изумлении, хотя выражение его лица не могло не вызывать у окружающих тревогу. Незвестный юноша пролепетал с раскаянием:

– Нам не следовало... честное слово, мне очень жаль! Мы просто дурачились... то есть... ну, вы знаете, сэр, как бывает, когда хорошее настроение... и... и... – Он поник и замолчал.

В это мгновение неожиданно возникло еще одно действующее лицо. Из кареты выглянула скромно одетая, похожая на школьницу барышня и заговорила озорным и одновременно раскаивающимся голосом:

– Это все из-за меня! Я не согласилась ночевать в Стамфорде, и мы поехали дальше, потому что я целый год не была дома и не сомкнула бы глаз, да и ехать осталось совсем немного. Когда мы меняли лошадей в Гритхэме, Джек предупредил, что уже темнеет, и папа не разрешил бы нам продолжать путь, но я возразила, что мы, если поедем быстрее, можем легко добраться до Грэнтхэма и устроить родным сюрприз, потому что они ждут нас не раньше, чем завтра. И Джек, конечно, согласился. Тут вдруг нам пришло в голову, что все вокруг думают, будто мы спешим в Гретна-Грин, и от этой мысли мы так развеселились!.. Только поэтому и не уступали вам дорогу.

– Позвольте доложить, сэр, что это моя сестра, – вмешался молодой человек с пояснениями. – Она учится в пансионе.

– Мама разрешила мне вернуться домой раньше остальных, чтобы Джек мог меня привезти. Здорово, правда? – восторженно тараторила девушка. – Потому что Джек мой любимый брат, такой же, как Нед у Сеси.

Его светлость, пораженный столь бурным потоком слов, а также тем, что он, оказывается, задержал двух совершенно незнакомых людей, лишь растерянно охнул, отчего внимательно наблюдавшая за развитием событий мисс Тресилян закусила нижнюю губу, чтобы не расхохотаться.

Усмирив сестру суровым взглядом, юный джентльмен отважно принялся объяснять свое поведение.

– Дело в том, сэр, что мне хотелось промчаться что есть духу по пустой дороге, потому что до дому нам еще двадцать миль, а отец... Кстати, нужно было сразу сообщить вам, что наш отец – сэр Джон Холлоуэй, и живем мы неподалеку от Грэнтхэма! Так вот, мы с сестрой представляли себя парой беглецов, когда вы затрубили в горн, намереваясь нас обойти, а я крикнул фореиторам не останавливаться – в шутку, поверьте! Разумеется, мне не следовало так поступать, – поспешно добавил он. – Я не хотел, чтобы так вышло. Только... когда вы за нами погнались, это было так здорово... А когда я увидел, что вы не собираетесь сдаваться... от всего сердца прошу меня простить, сэр, но я бы ни за что не упустил такой шанс! Вы виртуозно управляли лошадьми!

– Все ясно, – отозвался его светлость. – Что ж, когда в следующий раз вознамеритесь устраивать состязание в скорости на дороге, выбирайте не почтовую карету, а сестру оставьте дома. Скажите-ка, вы едете из Лондона?

– Нет. Из Оксфорда, сэр. Одна старая дева из пансиона Беллы привезла ее туда из Бата. О, забыл сказать, я учусь в колледже Магдалины!

– Правда? Что ж, если вы хотите добраться до дому за светло, то лучше не терять времени. В добрый путь!

– Спасибо! – с великим облегчением поблагодарил мистер Холлоуэй. – Я очень обязан вам, сэр, за то, что вы не... О, езжайте первым, сэр!

– Нет, я вас буду только задерживать, потому что не собираюсь лететь сломя голову.

От души посмеявшись над этой шуткой, мистер Холлоуэй горячо пожал руку его светлости, забрался в карету и поехал, поскольку мисс Тресилян успела к тому времени отвести лошадей к обочине дороги. Его светлость вернулся к своему экипажу чернее тучи. Заметив, что мисс Тресилян не в силах сдержать смех, он окинул ее злобным взглядом.

– Не надо на меня так смотреть, Ивер! – взмолилась она, вытирая с глаз слезы. – Видели бы вы свое лицо!..

– Хорошо же вы мне помогаете! – бросил он с неохотной улыбкой. – Можете смеяться сколько угодно, только куда же, черт возьми, подевались эти негодяи?

– А я вам говорила, что это напрасная затея!.. Значит, мы

все время преследовали этих очаровательных молодых людей?

– Нет, конечно! Разве вы не слышали, что сказал мальчишка? Они едут из Оксфорда. А значит, появились перед нами только после Стамфорда. У меня нет ни малейшего сомнения в том, что до Стамфорда мы дышали в спину нашей с вами парочке.

От этих слов веселье мисс Тресилян поугасло.

– Вы хотите сказать, что они все еще впереди нас?

– Ничего подобного. Их не было на двух последних заставах. После Стафморда мы ехали вслед за братом и сестрой Холлоуэй.

Мисс Тресилян, хоть и была встревожена, не преминула поддеть своего спутника:

– Никак сбились со следа? А, Ивер?

Его светлость рассеянно улыбнулся, некоторое время молча хмурил брови, а затем вдруг сказал:

– Если пути разошлись в Стамфорде... Боже мой, почему я не подумал об этом раньше? Разумеется, Артур повез девочку в Грэнтли!

Заметив недоумение на лице мисс Тресилян, он нетерпеливо добавил:

– Там за Маркет-Дипингом живут Уиндлсхэмы. Вы же знакомы с сестрой Артура, не так ли?

– С леди Уиндлсхэм? Да... Но чего он хотел этим достичь?

– Будьте уверены, у него в кармане лежит специальное

разрешение, и он намерен жениться при покровительстве Каролины.

– У нее нет права давать согласие на брак Люси!

– Это Каролину не остановит! Артур в два счета обведет ее вокруг пальца, ведь она с него пылинки сдувает! Романтическая натура!.. К тому же, судя по тому, как настойчиво Каролина призывала меня разрешить ему жениться, она явно спутала нашу парочку с Ромео и Джульеттой.

– Ивер, она не может быть настолько беспринципной...

– Не в этом дело! – оборвал его светлость. – Она знает, что Артур сам себе хозяин. Даже если ей до сих пор не доложили, что вы были совсем не против их женитьбы, пока не услышали о моем опекунстве, уверяю вас, Артур в два счета ее убедит, что, узнав о бракосочетании, вы от счастья броситесь им на шею и не станете чинить препятствий!

Он вновь уселся в коляску и взял из рук задумавшейся мисс Тресилян вожжи.

– Если все обстоит так на самом деле, должна признать, что это гораздо лучше, чем побег к границе. Однако брак, заключенный при таких обстоятельствах, совершенно точно даст повод для самых отвратительных сплетен и пересудов! Я не могу этого допустить!

– Напрасно вы волнуетесь, – попытался утешить лорд Ивер, хотя его тону явно не хватало сочувствия. – Каролина, конечно, простофиля, зато лорд Уиндлсхэм – человек здравомыслящий и благоразумный, в таких делах на него можно

положиться.

– Да, но...

– О, ради бога!.. Неужели вы не можете думать ни о чем другом, а только об этой пустоголовой парочке? По мне, так ну их к черту! Они оба мне надоели, и последние часа три их история кажется мне прескучной.

Внезапное признание прервало беспокойные мысли мисс Тресилиан, и она вдруг поняла, что экипаж уже движется.

– Скажите на милость, а куда мы направляемся? Если Артур увез Люси к своей сестре, какой смысл нам и дальше держать путь на север? Вы что, не в себе, Ивер!

– Ничуть, – ответил он со странным смехом. – Мы собрались в Гретна-Грин, туда и приедем! Ближайший населенный пункт – Колтерсуорт. Заночуем там в «Ангеле», а завтра продолжим путь к границе, если вы не станете возражать.

– Еще как стану, – проронила мисс Тресилиан после недолгого молчания.

Лорд Ивер остановил коляску, повернулся к своей спутнице и схватил ее за руку.

– Элионор! – произнес он совершенно иным голосом. – Сколько лет потеряно!.. Элионор, любовь моя, только не говорите, что уже слишком поздно! Вы должны выйти за меня замуж... Вы выйдете за меня?

Пальцы Элионор сжали его ладонь, в улыбающихся глазах сверкнули слезы, но ответила она с большим достоинством:

– Я с удовольствием выйду за вас, только не под покро-

вом тайны! Ивер, ради всего святого!.. Сюда приближается дилижанс... Да погодите же!

Поскольку его светлость, известный своим пренебрежительным отношением к правилам приличия, пропустил это предупреждение мимо ушей, а мисс Тресилян была не в силах (даже если бы и захотела) освободиться из его объятий, то пассажирам на крыше дилижанса был представлен образчик шокирующего падения современных нравов, и один ревностный защитник морали даже выразил желание увидеть бесстыдников в колодках.

– Целуются и обнимаются прямо на дороге! – возмущался он, вытягивая шею, чтобы напоследок насладиться ужасным зрелищем. – А еще называют себя воспитанными людьми!

В этом он ошибался. Прижавшись щекой к лорду Иверу, мисс Тресилян усмехнулась.

– Мы удивительно вульгарная пара, милый!

– Кому есть до этого дело? – отозвался его светлость. – О, дорогая, какие же мы были глупые!

Мисс из Бата

1

– Папа совершенно убежден, что вы не станете возражать, – сказала мисс Мэссингэм, – в противном случае, уж поверьте, я не решилась бы обратиться к вам, дорогой Чарльз, потому что вам, вероятно, не совсем по душе эта просьба.

Она замолчала и с сомнением взглянула на «дорогого Чарльза», чье красивое лицо не выражало ровно никакого восторга по поводу необходимости оказать услугу старинному знакомому его матери. Тем не менее он вежливо поклонился. Мисс Мэссингэм напомнила себе, что этот элегантный широкоплечий джентльмен в превосходном синем сюртуке, со стройными ногами в обтягивающих панталонах и начищенных до блеска ботфортах – то самое непоседливое дитя, которому тридцать лет назад она подарила коралловую погремушку.

– Вы стали таким величественным, что я, признаться, вас даже побаиваюсь, – кокетливо произнесла она.

Скука на лице сэра Чарльза Уэйнфлита проявилась еще отчетливее.

– Не иначе вы теперь известный денди! – добавила мисс

Мэссингэм, рассчитывая польстить собеседнику.

– Поверьте, мадам, вы сильно преувеличиваете, – ответил сэр Чарльз.

Ему на помощь пришла третья присутствующая в комнате особа – таков уж был ее долг.

– Нет, Луиза! – возразила она. – Совсем не денди! Денди думают только о костюмах, а у Чарльза в голове чего только нет: и бокс, и петушинные бои, и прочие чудовищные вещи! Он – прожигатель жизни!

– Спасибо, мама, только давай не будем касаться этой темы, а лучше выясним, против чего, по мнению генерала, у меня не найдется ни единого возражения.

– Очень любезно с вашей стороны! – Ободренная его словами, мисс Мэссингэм пустилась в объяснения: – Папе пришла эта мысль, когда я упомянула, что ваша мама на следующей неделе собирается в Бат, а вы намерены ее сопровождать. «Тогда, – заявил он, – Анну может привезти домой Чарльз!» Я, конечно, возразила. «Вздор! – рявкнул папа (вы ведь помните его солдафонские манеры). – Если он считает себя слишком важной персоной, чтобы сопровождать мою внучку, пусть придет и сам мне об этом скажет!» Только я вас очень прошу: не делайте этого, Чарльз! Последнее время его вконец замучила подагра.

– Не волнуйтесь, мадам, я не посмею, – сказал сэр Чарльз; выражение усталости на его лице внезапно сменилось совершенно очаровательной улыбкой.

– О, Чарльз, какой же вы!.. Видите ли, дело в том, что после того ужасного нападения на почтовый дилижанс в Ханслоу в прошлом месяце мы просто ума не приложим, как доставить Нэн домой! Вы, верно, знаете, что весь этот год она была пансионеркой в семинарии мисс Титтерстоун на Куин-сквер. Мы обещали забрать ее домой на Рождество, но зимой папа заболел, и ничего не вышло. Теперь мы в растерянности: нам доверено единственное дитя моего бедного брата, убитого на этом ужасном полуострове³... Разве можно подвергнуть ее опасностям, отправив в путь одну, без сопровождения какого-нибудь джентльмена? Уверяю, она не доставит вам хлопот, Чарльз, – серьезно добавила мисс Мэс-сингэм, – потому что мы пошлем за ней в Бат ее старую няньку. Вам нужно лишь не упускать из виду их карету, тогда мы будем спокойны.

Если сэр Чарльз и удивился, почему генерал Джеймс Мэс-сингэм счел, что его присутствие в пределах видимости кареты обеспечит лучшую защиту его внучки от разбойников, чем вооруженный эскорт, то не подал виду. Как не выдал и своего нежелания принимать на себя ответственность за неизвестную мисс из Бата. Возражения выдвинула леди Уэйнфлит.

– Я рассчитывала, что на Рождество Чарльз останется со мной! – сказала она. – Сегодня ко мне приезжала Алмерия и

³ Имеется в виду Пиренейская война, где Наполеону противостоял союз Англии, Испании и Португалии.

заверила, что несколько недель проведет в Бате. Она остановится в Кэмден-плейс у тетушки. Стауэрбридж, ее брат, доставит ее всего через несколько дней после нашего отъезда.

Мисс Мэссингэм приуныла. Заметка о том, что сэр Чарльз Уэйнфлит, самый богатый из баронетов, наконец осуществил мечту разорившегося графа Элфорда и сделал предложение Алмерии Сполдинг, старшей дочери этого обнищавшего пэра, появилась несколькими неделями ранее в «Газетт», и она признала, что в этом случае предпочтение должно быть отдано Алмерии, а не ее племяннице.

Аккурат в этот миг с лица сэра Чарльза исчезло безучастное выражение.

– Алмерия едет в Бат? – переспросил он.

– Да. Разве не чудесное совпадение? Я как раз собиралась тебя обрадовать, когда сообщили о визите Луизы.

– Напротив! Об этом обстоятельстве меня следовало уведомить заранее. Я уже назначил встречи, которые не могу отменить. Не в моей власти, мадам, задержаться в Бате дольше, чем на пару ночей.

– Ты ведь не хочешь сказать, что уедешь из Бата, не дождавшись Алмерии? Это невежливо! – воскликнула его мать – Боже мой, ты можешь встретиться с ней в дороге!

– Если отложить отъезд до ее появления, – поспешно ответил сэр Чарльз, – то, боюсь, я уже никуда не уеду. К тому же меня замучает совесть, если я откажу в просьбе такого старинному другу, как генерал. Буду счастлив, мисс Мэс-

сингэм, обеспечить вашей племяннице любую защиту, на которую я способен.

Леди Уэйнфлит сочла невозможным продолжать спор, поскольку мисс Мэссингэм тотчас принялась выражать сэру Чарльзу свою бесконечную признательность. Она сказала, что, сколько бы ни благодарила его, все будет недостаточно, и продолжала рассыпаться в комплиментах, пока сэр Чарльз провожал ее до кареты. Когда он снова вошел в гостиную, леди Уэйнфлит начала было просить сына отказаться от мысли так быстро уехать из Бата.

– Раз туда собирается Алмерия...

– Именно это обстоятельство все и решило, – перебил ее сэр Чарльз. – Через несколько месяцев я буду обязан проводить все свое время в компании Алмерии. Позволь мне насладиться остатками свободы!

– Чарльз! – Голос матери дрогнул. – О, дорогой! Если бы я знала, как ненавистен тебе этот брак, то никогда бы... Не в моей власти заставлять тебя жениться против воли. Но в течение стольких лет это было делом решенным, и вроде бы ты не испытывал *tendre* к другой женщине, да и тебе уже за тридцать, так что...

– Да, да, мадам! – нетерпеливо оборвал он. – Знаю, пора остепениться. Несомненно, Алмерия делает мне большое одолжение. И, конечно, мы созданы друг для друга. Но в Бате на Рождество я не останусь!

Восемь дней спустя, прежде чем познакомиться со своей юной подопечной, сэру Чарльзу пришлось побеседовать с двумя благообразными старыми девами в чепцах и перчатках, заметно взволнованными появлением в приемной высокого джентльмена подозрительно красивой внешности, одетого в дорожное пальто с не менее чем шестнадцатью пелеринами. Здесь же стояла застенчивая школьница в скромной мантилье и шапочке, почти полностью скрывающей заплетенные волосы. Она не проронила ни слова, пока мисс Титтерстоун заверяла сэра Чарльза, что дорогая Анна не причинит ему неудобств. Одобрив это заявление, мисс Мария с довольно странной тревогой в голосе добавила, что Анна, по ее мнению, будет вести себя как положено. Обе леди будто находили утешение в присутствии миссис Фиттон, которая все это время нежно улыбалась своей воспитаннице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.